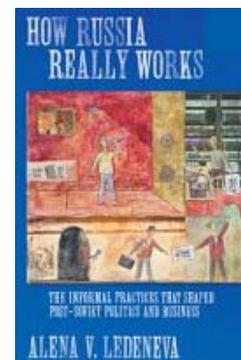

НОВЫЕ КНИГИ

С.Ю. Барсукова

РОССИЙСКИЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ЭКСПОРТНЫЙ ВАРИАНТ

Рецензия на книгу: *Ledeneva A. V. How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca: Cornell University Press, 2006.*

БАРСУКОВА

Светлана Юрьевна – д. соц. н.,
профессор кафедры
экономической социологии
ГУ–ВШЭ.

Email: svbars@mail.ru

Что может быть важнее, чем узнать, как реально работает Россия? А именно это, судя по названию, обещала книга Алены Леденевой. Странно было бы пройти мимо.

Не скрою, был и другой источник интереса. *А. Леденева пишет исключительно о России и исключительно для западной аудитории.* Это ее стратегия покорения научного олимпа. Фрагментарные попадания в российские издания – скорее, отклонения от нее. Ее лидерство в этой теме – безусловно. Она – признанный «неформаловед», экскурсовод по неформальным практикам России для западного читателя. Ее слушают по обе стороны океана, на ее книгах учатся студенты ведущих университетов мира. Наверняка, по популярности А. Леденева входит в десятку ведущих социологов мира. Или скоро неизбежно войдет. Отсюда простое человеческое любопытство: что же это за глыба такая? Ведь ровно на той же поляне пасутся толпы российских коллег. Однако же их не расхватывают на цитаты. Знакомство с новой книгой А. Леденевой расставило все по местам. Это аккуратное, щедро приправленное этнографическими подробностями описание отдельных неформальных практик России в строгом соответствии со стилистическими и методологическими канонами западной аудитории. Своего рода экспортный вариант того, что стало общим местом для российских обществоведов. Не завидовать, а учиться надо.

Об антропологии и не только

Эта книга – образец добротной социальной антропологии. От социологии ее отличает принципиальный отказ вскрывать механизмы, порождающие наблюдаемые явления. Ценно само наблюдение, поскольку оно касается закрытых для обывателя сообществ. Таковыми могут быть племена туземцев,

сообщества геев, диаспоры мигрантов, мафиозные кланы, группы арестантов, религиозные секты и т.д. Описание, сопровождаемое массой этнографических подробностей, – конечный результат в этой традиции. Автор должен убедить читателя, что ел из одного котелка с этими «экзотическими персонажами» и потому он вправе не только описывать внешнюю сторону их жизни, но и вскрывать (раскодировать) потаенные смыслы их действий. Кстати, из антропологической любви к туземцам выросли Э. Дюркгейм, К. Поланьи, П. Бурдьё. Правда, большинство знает их в другом качестве. Потому что, оттолкнувшись от натуральных описаний, они шагнули в мир логических абстракций. Но не каждый может и должен этот путь повторить.

Антропологические бестселлеры не пишутся в тиши кабинетов. Нужно «тактильное ощущение» объекта, что достигается в ходе долгого и плотного контакта. Идеальный вариант – совместное проживание. Что имело место в случае с Аленой Леденовой. Ее история как ученого началась на Западе, там она сделала первые интеллектуальные шаги. Вместе с тем, она уехала из России будучи взрослым человеком, и утратить «тактильные ощущения» этой страны было уже невозможно. Она знает Россию как русская, а пишет и думает, как западный специалист. В этом ее уникальность на конкурентном рынке исследований, посвященных России. В отличие от многих западных авторов, ее читать можно. По крайней мере, она обходится без крайностей, будь то любование самобытностью русских или протоколирование их варварства. Часто эти крайности смыкаются в одной точке – самобытного варварства. Леденева обходит эти рифы. Правда, цепляя боками. Все-таки ее интеллектуальный корабль скроен по западным лекалам, хоть и оснащен российскими приборами видения.

Применение традиции социальной антропологии к неформальным практикам россиян изначально основано на предположении об их диковинности для западного читателя. Судя по всему, расчет оказался верным. Можно сколько угодно обижаться на попадание в разряд «туземцев», хотя пестование «загадочности русских» – не что иное, как признание ровно того же, но с другим эмоциональным знаком. Быть «загадочным русским» – приятно, а быть геем и ловить на себе любопытные взгляды – удовольствие спорное. Хотя разница не столь существенная, в обоих случаях общество реагирует на инакость, на выпадение из нормы. В данном случае западное законопослушие противопоставляется приверженности россиян неформальным правилам, что оправдывает замысел книги и ее антропологический задор.

Помню, как одну из лекций А. Леденева начала с показа объявлений, которыми густо обклеены вагоны московского метро: о помощи в получении дипломов и аттестатов, медицинских книжек, регистрации мигрантов и пр. «Что это значит?» – был вопрос, провоцирующий начало разговора о неформальных практиках. Но студенты были наши, российские. Поэтому они впали в ступор. Ответ казался им столь очевидным, что объяснять такие банальные вещи заграничному лектору им было не то чтобы лень, но как-то неловко, как будто они сомневаются в ее умственных способностях. А Леденовой не лень и вполне себе удобно: подробно, доходчиво, с иллюстрациями из журнала «Крокодил» и выдержками из В. Шендеровича. С привлечением толкового словаря русского языка. Потому что она работает на другую аудиторию, где это вызывает интерес в силу иной экономической и политической обыденности.

И интерес тем больший, чем уникальнее опыт автора, проникшего в самые «недра» неформального мира. Для доказательства этого Леденовой выбрана беспроигрышная стратегия – VIP-респонденты. Безусловно, они – носители инсайдерской информации высочайшего уровня, да и с рефлексией у них проблем нет. Но вот беда: анонимность им категорически не нужна. Анонимностью их только обидеть можно. Лучше – имя, должность, место работы. Понятно, что ничего нового они социологу не скажут, никакой инсайдерской информацией не поделятся. Все будет в рамках того, что готовы рассказать – и регулярно это делают – журналистам для широкого вещания. Или студентам на лекциях. И ничего

лишнего. Контакт с социологом (да еще из Лондона!) как разновидность работы над имиджем. Тогда зачем эти интервью нужны, если содержательно они вполне заменяются публичными выступлениями этих людей? Не скажите, еще как нужны. Их статус подчеркивает статус исследователя. Негласно предполагается, что VIP-респондент допустит «к телу» только исследователя экстра-класса.

Читать такие интервью довольно забавно. Просто дистиллированная нравственность. Так страстно обличать черный PR могут только те, кто стоял у его руля. Помнится, день рождения одного из них решили отметить с размахом – назвали Днем политического консультанта. Праздник стране подарили. Там же сертификат на звезду вручили, прямо вместе с телескопом. Кстати, про праздник в книге упоминается. Как пример «профессионализации» этой сферы деятельности.

Все-таки социальная антропология – великая наука. Надо действительно из одного котелка есть, чтобы понимать «иное». В противном случае возникают курьезы. Показательно «декодирование» карикатуры из «Крокодила», на которой два колоритных персонажа обсуждают, почему нынче голоса (р. 47). Леденева приводит эту карикатуру в контексте покупки голосов избирателей. Это довольно массовая и открытая для обсуждения практика (люди-то нищие, за бутылку священное право волеизъявления продадут). Но у меня глубокое убеждение, что изображено совсем другое! Всё на картинке (выступающий на трибуне, президиум за его спиной, солидные дядечки в креслах) говорит о том, что обсуждается покупка депутатов. То есть покупаются голоса не избирателей, а избранников. Почувствуйте разницу. И тогда это иллюстрация к другой теме, обсуждать которую не многие согласятся.

Или, автор замечает, что реальные средства избирательной кампании в разы превосходят суммы, обозначенные в избирательном фонде кандидата или партии. Это знает любой, кто сталкивался с избирательным процессом. Но объяснять это скудностью разрешенных законом лимитов – новое слово в «декодировании» этой практики (р. 38). Дело в том, что почти никогда этот лимит не исчерпывается, он не играет никакой роли в тенефикации избирательных финансов. Даже депутаты де-факто это признали, прекратив попытки повысить избирательный лимит. Простоватая схема с упованием на лимитные ограничения позволяет не вторгаться в механизм концентрации и использования в политическом процессе «черных финансов». То есть в механизм сращивания теневой экономики и теневой политики. Конечно, высокостатусные респонденты знают об этом не понаслышке. Но такая откровенность в их планы не входит, если нет доверительных отношений и гарантий анонимности.

В результате текст концентрируется не на анализе внутренних процессов, а на описании их внешних проявлений. Зато читается как триллер: расценки, забавные истории, хроники политических интриг и экономических скандалов с участием известных людей. Возьмите главу про компромат. Муслирование связи Явлинского с Гусинским, перипетии с Березовским, баня с участием Скуратова, бодание Лужкова с Доренко, разговоры вокруг пластической операции Явлинского и плохого здоровья Примакова – опорные пункты этой главы. Какая прелесть! Как тянулись люди к политическим каналам! Да, обеднела наша политическая жизнь. Нахлынула ностальгия. А вместе с ней и вопросы. Что стояло за этими броскими событиями? Какие задачи они решали? Например, почему решили убрать Скуратова? Кому он помешал и в связи с чем? То есть хотелось бы не просто оживить в памяти события, но и узнать их истинные причины. Ведь понятно, что баня с проститутками – невинное, в сущности, развлечение. И новый назначенец отличался не тем, что мылся исключительно под домашним душем и в одиночестве. Видимо, у него были и другие достоинства.

Острая нехватка объяснений на фоне детальных описаний – основное чувство от прочтения книги. Но у каждого жанра свои возможности и ограничения. Леденева проделала

колоссальную работу описательного характера. Нельзя корить за то, чего человек не сделал. Надо оценивать сделанное. И эта оценка однозначно высокая.

Галерея неформальных практик

Отправная точка автора: в СССР было столько же от канонической плановой экономики, сколько в современной России – от рыночной. То есть немного. И план, и рынок в российском варианте оказались погружены в неформальные практики. Алена Леденева создает галерею таких практик. Эта коллекция может пополняться в меру трудолюбия автора. Судя по книге, трудолюбия не занимать. Логического конца этой работе нет, поскольку в конструировании неформальных практик россияне неистощимы. При нынешней ситуации это самый доступный из массовых видов творчества. Скорее иссякнет интерес западных читателей, чем оскудеют неформальные практики наших сограждан.

Если переключать книгу на музыку, то в голову упорно лезут «Картинки с выставки» Мусоргского. Между прочим, считается великим произведением. Говорят, на Западе любят исполнять в «дни русской музыки».

Если музыка начинается с увертюры, театр – с вешалки, то книга – со слов благодарности и хроники прежних публикаций. И тут есть чему поучиться. Не бегло, как в большинстве наших изданий, а с чувством, с толком, с расстановкой. С одной стороны, умение быть благодарной как стиль истинной британской леди. С другой стороны, формирование ожиданий читателя. Когда столько достойных людей, известных фондов, солидных изданий участливо и благосклонно отнеслись к автору, как бы сертифицируя успех на каждой стадии создания книги, собственные критические оценки ставятся под сомнение.

Собирать коллекцию А. Леденева начала давно. Началось все с книги о благе как антропологической пикантности советского периода. Описание постсоветских неформальных практик представлено в этой книге. Тут и «черный пиар», и «компромат», и «круговая порука», и «теневого бартер», и «двойная бухгалтерия», и «постсоветские толкачи». Это я перечислила названия глав. Если блат был практикой большинства, то новая книга Леденевой про практики, с которыми знаком узкий круг посвященных. Отсюда простое описание претендует на открытие в глазах западного читателя.

Неформальные практики, о которых пишет А. Леденева, относятся к 1990-м. Автор это неоднократно подчеркивает. И это не просто указание на их бытность. Отсылка к 1990-м значительно облегчает автору задачу объяснить природу описываемых феноменов. Как не трудно догадаться, объяснение кружит вокруг советского наследия, нестабильности переходного периода, слабости государства, зарождения многопартийной демократии, чехарды законов, т.е. классического набора в описании знаменитого десятилетия. Понятно, что в 2000-е такое объяснение уже не проходит. Негласное противопоставление 1990-х и 2000-х как вакханалии и стабильности, развала и подъема, прочно вошедшее в отечественный политический дискурс, придает всему, что отсылает к «эпохе Ельцина» некий антропологический флер. Да, мы живем в другой стране. По многим измерениям ситуация изменилась. Но практики, о которых идет речь, не исчезли, они причудливо переформатировались и пополнились новыми. Объяснить их становится сложнее, оставаясь в рамках клише «переходного десятилетия». А зачем искать трудности, когда жить стало некоторым лучше, и почти всем веселее.

Довольно показательно, что в своих исследованиях А. Леденева дрейфует от чисто экономических к политическим процессам. Верно понятая каузальная связь. В интуиции автору не откажешь.

Так же как не откажешь в аккуратности, корректности текста. Леденева не впадает в любование экзотикой России, прочно отказывая описываемым практикам в статусе

«русского чуда». Ирония по поводу «собственного пути» прочитывается даже в ее крайне сдержанном стиле. Также автор категорически воздерживается от критики изучаемых феноменов, оставаясь в рамках этики антрополога: все сущее разумно. (Хотя, это, кажется, еще Гегель говорил, но он сейчас не в моде.) Функционал всей этой неформальной кавалькады исключительно амбивалентен. Эти практики продвигали бизнес и политику, но в то же время были антирыночными и антидемократичными, являясь одновременно и причиной, и следствием неэффективности экономических и политических институтов в России. Так, «двойная бухгалтерия» – это, безусловно, недостача госбюджета, но вместе с тем источник развития бизнеса. Или Кипр – оффшор как способ ухода от налогов, и тот же Кипр – крупнейший инвестор спасенных от налогов средств. Выросшие из советских времен и традиций неформальные нормы тормозили преобразования и вместе с тем делали их возможными, поскольку адаптировали замысел реформаторов к возможностям населения. Урон оборачивался приобретением. Двойственность характера описываемых практик – свидетельство добросовестности автора, игнорирующего соблазн обличать и искоренять как закамуфлированный под принципиальность снобизм представителей «матерых демократий».

Природа неформальных практик

Мы, кажется, увлеклись собственными оценками книги. Пора дать слово автору. Например, его определению природы неформальных практик (глава 1).

Если предельно кратко, то неформальные практики – это компромисс формальных правил и социальных норм. То есть неформальные практики укоренены в зазоре законов и неписанных норм поведения. И чем глубже этот зазор, а также слабее механизм принуждения к исполнению закона, тем обильнее неформальные практики. Свидетельства такого разрыва отражены в нашем языке: законность не тождественна справедливости, свобода воле, правда истине (р. 26).

Люди могут воспроизводить неформальные практики, не будучи способны артикулировать их. Но и способные к рефлексии и вербализации вряд ли могут составить их словесный портрет в силу их исключительной контекстуальности и пластичности. Образно говоря, неформальные практики – это мосты, опорами которых являются, с одной стороны, законодательные правила, с другой – социальные нормы (р. 22).

Позволим себе развить эту авторскую метафору. Знаете, что происходит с мостом, когда по нему идут солдаты? Если солдат много и они идут в ногу, то возникший резонанс разрушает мостовые опоры. Поэтому на мосту солдаты по команде переходят на разную шаг. Так же и тут. Неформальные практики не просто укоренены в дистанции законов и социальных норм, но, будучи массовыми, неизбежно ведут к сознательной коррекции законов и непреднамеренной модификации социальных норм общества.

Для того, чтобы более отчетливо обозначить свою позицию, А. Леденева сравнивает подходы Д. Норта и П. Бурдьё. Революционность идей Норта связана с уравниваем в правах формальных и неформальных ограничений поведения. Его интересовали институты как правила, задающие *структуру игры*. Бурдьё занимали сами *игроки*, их *«чувство игры»*, их *стратегии*. Леденева претендует на совмещение этих логик, видя в участниках неформальных практик игроков, которые манипулируют формальными и неформальными правилами игры, т.е. строят собственную стратегию, позволяющую преодолеть формальные и неформальные структурные ограничения.

Подналадка формальных правил не отменяет неформальные практики, но ведет к их реконфигурации. Сами же формальные правила действуют исключительно в оболочке неформальных практик. Они неотделимы друг от друга. В России это заметнее, чем где-либо. Россыпь обозначений российской реальности в западных исследованиях – гибридная

экономика, организованная дезорганизация, конкурентный авторитаризм – отражают сложность объекта. Эта сложность бросает вызов дихотомии «формального-неформального», заменяя противопоставление континуумом в качестве аналитического конструкта.

Соотношение формального и неформального имеет, как минимум, три градации. Неформальные практики могут:

- вытеснять формальные правила, подменяя их;
- занимать пространство, свободное от формального регулирования;
- нарушать «не букву, но дух закона» (р. 18), используя правовой документ как инструмент достижения неформальных договоренностей.

Правда, эта типология у автора прямо не представлена. Возможно, я дописала за автора этот фрагмент. Но он органично ложится на текст книги, что позволило мне, возможно обманывая себя, почувствовать в авторе единомышленника.

В общем виде непрозрачность правил игры в российской экономике воспроизводится по хорошо известному сценарию:

- в ответ на неработающие законы создаются работающие незаконные способы разрешения хозяйственных коллизий;
- в нарушителях оказываются все. Но наказать всех и сразу нельзя. Поэтому санкции применяются выборочно, а критерии их применения находятся вне легальной системы, зачастую уходя в сферу политики;
- власть извлекает выгоду из монопольного права призывать нарушителя к ответу, тем самым повышая управляемость внешне неуправляемых объектов.

Скандалы и разоблачения (например, случай с «Юкосом») – результат потери экономическим агентом чувства меры как практического чувства пропорции между формальными и неформальными правилами игры.

Общая схема порождения неформальных практик конкретизируется применительно к 1990-м годам. Тут и противоречивость «ориентированного на будущее» законодательства (р. 23), и война федеральных и региональных уровней власти, и превалирование политической целесообразности над экономическим смыслом законотворчества, и т.д. Можно оспаривать полноту и оригинальность суждения, но важно отметить характерный для автора отказ от универсальных объяснений типа традиций, культуры, исторического опыта. Поиск ответов ведется на более конкретном материале, что можно только приветствовать.

Про экспортный вариант научного исследования

Каждый читает книгу через призму собственных размышлений. На этот раз к контексту неформальных практик добавились размышления о специфике экспортного варианта исследований, посвященных России.

Призывы изучать английский, чтобы прорваться на западный научный рынок (он же мировой, поскольку наука – продукт развития западной цивилизации), давно вызывают у меня скепсис. Языки учить, конечно, надо. Но при этом понимать, что языковые барьеры – далеко не решающий фактор снятия блокады с российского обществоведения. Истерия по поводу «проклятия языка» (привет Гумилеву) активно используется в коммерческих и спекулятивных целях. Модные ректоры коллекционируют обладателей Ph.D. Наши доктора и кандидаты наук – как штабеля сусального золота. А настоящее золото удостоверяют лишь пробы на иностранных языках. Отнесемся к этой ситуации с пониманием. Нормальная

оборотная сторона комплекса варвара, готового все отдать за стеклянные бусики. Наиграется и опять займется кокосами.

Пора внести ясность: лингвистический перевод российских статей решительно ничего не способен изменить. Перевод действительно необходим, но языковой – в последнюю очередь. Актуальнее перевод содержательный. Проще говоря, переработка текста. Изготовление его экспортного варианта. И книга А. Леденева это блестяще доказывает.

Что из того, о чем она пишет, не знают наши «неформаловеды»? Ничего. Способны они создать конкурентный продукт? Вряд ли. И это еще обнадеживающий ответ. Скорее, категорическое нет. Леденева переводит российскую эмпирику в плоскость рефлексий западного читателя. То есть придает тексту соответствие не просто понятиям Д. Норта, П. Бурдье, Э. Гидденса (что мы тоже наловчились делать), а мировоззрению, обыденному опыту, ценностным основам западного сообщества. Очевидным образом отличая то, что надо пояснить и до какой степени, а что лучше совсем опустить ввиду неготовности понять. Интуитивно ощущая, в какой мере скандальная хроника очередной неформальной практики претендует на интерес, а где начинается перебор. Какое углубление в прошлое, в историю вопроса необходимо, чтобы не потерять внимание читателя. Какая стилистика текста уходит в прошлое, а какая идет ей на смену. Наконец, какие маячки лояльности зажигаются системой ссылок. И это нельзя алгоритмизировать и перенять. Тут тоже из одного котелка есть надо.

Именно сравнение с собственным опытом помогает западному читателю уловить разницу институциональных ограничений, в которых работают обсуждаемые в книге неформальные практики. Скажем, чтобы объяснить, что такое компромат и как он работает в политическом и экономическом пространстве России, Леденева сравнивает его с практикой скандальных разоблачений, которые регулярно случаются на Западе (р. 83). Или сопоставляются манипулятивные избирательные технологии в странах электоральной демократии и России (р. 45). Такие сравнения помогают западной аудитории понять российские неформальные практики.

Позволим себе такой пример. В Китае существует практика «гуанкси» (*guanxi*), очень похожая на блат советских времен. Похожая, но не тождественная. Согласитесь, что объяснить китайцу российский блат проще всего через сравнение с привычной ему неформальной формой обмена. И Алена Леденева отлично поняла возможности сравнительного анализа и как пути к читателю, и как аналитического инструмента, позволяющего выявлять роль институциональных ограничений в конфигурировании неформальных практик¹.

Мне могут возразить, что наука – особый мир («незримый колледж» по Мертону). И именно ему, а не рядовому читателю адресует научные книги автор. Опустим мои сомнения в том, что молодую, красивую женщину может удовлетворить место исключительно в этом тесном мире. Но я сильно сомневаюсь, что ученые – отдельный этнос, выведенный за пределы национальных границ. Лесть хороша до тех пор, пока не становится глупостью. Ученый, даже крупный, связан со средой обитания и своей эпохой интеллектуально и духовно.

Про теоретическую социологию мы даже говорить не будем. Наивность тех, кто надеется завоевать лидерство, создав теорию потрясающей объяснительной силы, достойна сострадания. Они так и не поймут, почему их отвергли. Борьба теорий в значительной степени предопределена расстановкой сил между научными школами и, что еще труднее принять, между странами. Мой замечательный венгерский друг-интеллектуал выразил это

---

¹ *Ledeneva A. Blat and Guanxi: Informal Practices in Russia and China // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. No. 1. P. 118–144.*

так: представительство российских ученых в мировой общественной науке определяется долей России в мировом ВВП. Конечно, с массой оговорок.

Книга А. Леденевой показывает, что и в описательной, отнюдь не теоретической социологии наши шансы на вхождение в западную науку на равных не велики. Я говорю о лидерстве, а не об эпизодических попаданиях в западные журналы. Дорогу осияют лишь те, кто согласен работать в две смены – создавая аналитический продукт «для внутреннего пользования» и на экспорт. Жить тоже, желательно, в две смены. Конечно, можно сэкономить силы и игнорировать внутренний рынок. Быть безвестным героем. То есть безвестным здесь и героем там. Но это на любителя.

* * *

Продвинутый российский читатель удивленно поднимет бровь, реагируя на дефицит новых мыслей в книге Алены Леденевой. Автор явно ломится в открытую дверь. Не спорю. Но давайте уточним, для кого эта дверь открыта. Для тех, кто «в теме». Узок круг этих людей. Так и хочется продолжить: страшно далеки они от народа. Но это для Герцена было страшно, а нам даже приятно, – вроде интеллектуальной селекции. Леденева, по сути, берет знание узкого круга и делает его достоянием многих. Она раздвигает дверной проем, чтобы могли пройти не одинокие интеллектуалы и отдельные продвинутые практики, а все, кому не лень. В хорошем смысле. Кто хоть сколько-нибудь интересуется тем, что скрывается за вывеской «неформальные практики России». И делает это аккуратно (одни приложения чего стоят), без морализаторства и обличений.

Если коротко: *эта книга – больше, чем я могу как автор, но меньше, чем я хочу как читатель.* Но ведь книга написана для западной аудитории. То, что нам кажется очевидным и банальным, вполне может быть интересным и оригинальным для людей из другой социально-экономической реальности.

Этим объясняются, как думается, бесконечные повторы в тексте. Не дословные, разумеется, а смысловые. Автор явно отказывает читателю в способности «схватывать на лету». Видимо, читатель представляется автору человеком весьма средних способностей. Но равнение на рафинированных интеллектуалов не приносит популярности. У каждого автора своя аудитория и своя задача. Но что безусловно, Алена Леденева – признанный мастер экспортного варианта исследований по России.